

УДК 316.343.3:27-788

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.6>

О социальной сущности вкладчиков монастырей Восточной Сибири в XVII в. – 60-х гг. XVIII в.

Г. Ф. Быконя

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск*

Аннотация. Традиционно всех вкладчиков вместе с крестьянами считают конфессиональными крепостными, хотя у них были договорные отношения с монастырями. С XVIII в. «завкладчиков»-трудников из русского Поморья почти на 2/3 сменили сибиряки местных уездов, что перерождало формы сотрудничества на духовно-социальной почве в конфликты. Зажиточные «большевклады» и «средневклады», выходя из-под юрисдикции светской власти, пытались взять в свои руки управление монастырским хозяйством, преследуя вполне земные цели. Легальные основания для этого давала традиционная трактовка вклада как пая в конфессионально-корпоративной собственности. Предприимчивые крепкие хозяева – казенные тяглецы надеялись полнее и свободнее реализовать свои материальные и социальные возможности вплоть до смены статуса. Реальная горизонтальная, а у немногих – вертикальная, социальная мобильность – один из путей реализации феодально-крепостнических устремлений имущей верхушки тяглецов. Эти, в конфессиональной оболочке черные, «чумазые» по К. Марксу, феодалы – одно из проявлений многовекового процесса не имущественного расслоения, а классового разложения тружеников – собственников города и деревни традиционного российского общества. Секуляризация монастырских земель в 1764 г. положила конец этим противоречивым социальным чаяниям. Введение свободы предпринимательства в 1775 г. обозначило другой легальный вектор социально-экономической активности прежних «черных феодалов» Азиатской России.

Ключевые слова: монастыри, вкладчики, «завкладчики», «большевклады», конфессиональные крепостные, горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, конфессионально-корпоративная собственность, иерархия конфессионального типа, «черные феодалы».

Для цитирования: Быконя Г. Ф. О социальной сущности вкладчиков монастырей Восточной Сибири в XVII в. – 60-х гг. XVIII в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 26. С. 6–16. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.6>

Объект исследования – вкладчики монастырей Восточной Сибири. Предметом изучения является социальная сущность вкладчиков, находящихся под церковной юрисдикцией и вне ее.

В исторической литературе обоснованно утвердилось мнение, что на первом этапе русского освоения Сибири в разное время в различных ее районах в различной степени сочетались правительственная, самовольная, конфессиональная и смешанная формы колонизации.

Специального исследования о вкладчиках по указанной теме и в данных хронологических рамках нет. В общих исследованиях по Сибири [8; 15–17; 19; 22; 24; 29] и частных по монастырям [1–4; 10; 13; 14; 20; 25–29] приводятся отрывочные и нередко противоречивые сведения о местах их выхода, численности, размерах вкладов. Советские историки с атеистической установкой не видели добровольности даже «завкладчиков» в их возможности отказаться от своих договорных с монастырем обязательств. Самыми многочисленными «завкладчиками» были трудники. Историки считали всех вкладчиков, как и крестьян, находящимися в феодально-крепостной зависимости. Только О. Е. Наумова [17] вслед за Л. П. Шороховым [28, с. 112] и Л. В. Машановой [13; 14] лишь упоминала об особой роли богатых вкладчиков. Такой упрощенный подход обедняет содержание многоукладного типа социальных отношений феодальной Сибири, да и всей России [5, с. 40, 67].

Для раскрытия темы привлечены новые материалы фондов первых трех подушных переписей¹ Тобольской и Иркутской епархий, делопроизводства их монастырей, редкие опубликованные церковными и светскими авторами сборники документов² [9; 15; 18; 23; 25] и церковной периодики [10; 11].

В начале русского освоения Сибири многие вольные и невольные переселенцы приходили из-за Урала, как говорится, «душой и телом». В борьбе за рабочие руки монастыри соперничали с воеводами для заведения и обустройства своих хозяйств. Пришлых, в основном холостых, людей привлекали относительно легальным статусом, желающих сесть на монастырскую пашню – материальной помощью. Другим – «завкладчикам» – предлагалось на монастырском содержании позаботиться о своей душе и, отработав вклад в монастырском хозяйстве, получить социальное признание в старости, даже прием в ряды чернецов, погребение и поминовение за счет монастыря.

Послушники и бельцы свое добровольное духовно-материальное сотрудничество могли изменить и прервать. У «завкладчиков» имелась даже возможность в монастыре заработать некоторые средства и изменить свой статус. Так, выходец из сольвычегодских крестьян Илья Федоров Кильчига в Енисейске побывал гулящим человеком, затем подрядился в Туруханский Троицкий монастырь «завкладчиком», через два года, женившись на монастырской девке, стал вкладчиком, в 1681 г. – крестьянином, а по переписи 1686 г. уже показан монастырским работником [12, с. 49–55].

Зажиточных «большевкладов» и «средневкладов» принимали особенно охотно. Одни сразу переходили под монастырскую юрисдикцию, но не торопились принять постриг. Другие оставались мирянами, но по особой «вкладной записи» в любое время могли перейти в монастырь, жить в своих дворах за свой счет без пострига, не выполнять черных работ и участвовать в управлении монастырем.

В петровское время институт вкладничества подвергся серьезным испытаниям. Длительная Северная война, рекрутчина, реформы обложения –

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 2242; РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537; Оп. 2. Д. 1601; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1059. Ч. 2.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1059. Ч. 2.

все это явно ухудшило положение сибирского тяглого населения, в ряды которого попало до трети казаков [6]. На прежде легальный уход вкладчиков целыми семьями под юрисдикцию монастырей светская власть через покорный Синод отвечала ограничениями и запретами¹ [22, с. 491–494].

Была проведена частичная секуляризация, а с подушным обложением все население, кроме монахов, попадало в налоговые списки. Монастырь отвечал за платежи и повинности бедных вкладчиков и крестьян. В этих обстоятельствах и из-за давления верховной власти РПЦ в ущерб духовным задачам отдала приоритет материальным. Десятый пункт Духовного регламента 1721 г. прямо гласил: «Бездельный и тщетный сей обычай есть – даст некто несколько рублей вкладу в монастырь, одолжая тако монастырь, чтоб его, когда он похочет, принять его в монахи; и тогда он входит в монастырь, как бы в свою вотчину, и за вклад свой, яко за долг некий, угождая в монастыре ищет и от настоятеля с роптанием истязует. И уже мнение у многих есть, что такового нельзя принять в монахи, отселе вкладов и вкладчиков таковых не принимати, а кто примет, извержен будет из настоятельства»² [10, с. 159]. Здесь явно предугадывалась позиция Петра I, который в январе 1723 г. вообще запретил принимать в монахи светских лиц, а убыль чернецов заполнять отставными солдатами [22, с. 491]. Правда, это нередко нарушалось, особенно на окраинах.

Всего от Енисея до Тихого океана к концу XVII в., не считая мелких, действовал 21 монастырь, то есть половина общесибирского числа, а 12 из них были заметными [28, с. 32–34, 86]. Кроме трех приенисейских, монастыри возникли в конце XVII – начале XVIII в., что также повлияло на численность, территориальный и сословный состав монастырского населения.

Результаты такого своеобразного, на духовно-материальной основе, социального сотрудничества с конфессиональными организациями РПЦ – монастырями за почти столетие отражены в таблице.

Приведенные количественные данные о вкладчиках, в силу динамичности положения последних, занижены, поскольку при подушных переписях светские власти и сами монастырские старцы нередко «завкладчиков» переводили с подмогой в крестьяне. Продолжалась такая практика и в петровское время. Кроме того, не учитывались в переписях вкладчики-миряне с непредъявленными вкладными записями.

Если в XVII в. в числе вкладчиков преобладали выходцы из Поморья, то в первой половине XVIII в. – сибиряки из бывших поморов, русские старожилы местных уездов, а также ясачные. Так, в трех монастырях Центральной Сибири по переписи 1671 г. из 76 вкладчиков выходцы из Поморья составляли 55 душ муж. пола, из Западной Сибири – 9, из местных уездов – 9 и прибайкальских уездов – 3. По социальному составу, безусловно, преобладали крестьяне – 26 без учета 12 половников и бобылей, за ними шли посадские – 8 и служилые – 5 чел. [1, с. 73, 199; 12, с. 51].

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 482. Оп. 1. Д. 59а. Л. 174 об.

² ГАИО. Ф. 482. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.

Таблица

Динамика численности монастырских крестьян и вкладчиков с 1671 по 1762 г.

Монастыри, год основания	1671–1679 гг. души муж. пола		1720 г. ревизские души		1747 г. ревизские души		1762 г. ревизские души	
	крестьяне	вкладчики	крестьяне	вкладчики	крестьяне	вкладчики	крестьяне	вкладчики
Красноярский Введенский, 1639	20	14*	96/238	<50	(196)	?	(196)	(196)
Енисейский Спасский, 1640/1641	34	157	(356) -	(356)	(398)	?	353	43
Енисейский женский Рождества, 1664	29	1	(117)	(117)	249	?	(283)	289
Туруханский Троицкий, 1660	8	22+34	315	76	313	(313)	432	(432)
Иркутский мужской Вознесенский, 1672	300	–	180	до 90	378	236	497	284
Иркутский Знаменский женский, 1693	–	–	?	366	88	497	27/355	66
Посольский Преображения, 1681	3 двора	–	195	153	146	?	614	?
Киренский Троицкий, 1663	15	39	217	174	180	33/51	174	66
Братская Спасская пустынь, 1671	61	8	86	?	49	43	102	86
Селенгинский Троицкий, 1681	–	–	334	60	380	183	447	?
Нерчинский Успенский, 1701/1707	–	–	50	40	150	?	157	?
Якутский Спасский, 1663	?	?	84	76	87	35	84	?

Источники: [20; 23; 45; 48; РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537; Оп. 2. Д. 1601. Л. 148–150 об.; ЛО ААН. Ф. 199. Оп. 10а. Д. 215. Л. 6; ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–17; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 2242. Л. 70; РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537; Оп. 2. Д. 1601. Л. 97–97 об.; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Тетр. 481. Ч. 1. Л. 88 об. – 90 об.; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Тетр. 481. Ч. 1. Л. 1159–1203; ГАИО. Ф. 482. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 15, 3; Д. 28. Л. 1–8; Д. 30. Л. 343–351 об.; РГАДА. Ф. 199. Портф. 526. Ч. 2. Л. 26 об.].

При этом вкладчиков-крестьян Восточной Сибири, как установили историки, было в целом даже больше [12, с. 51; 28, с. 86–87].

В материалах Л. В. Машановой о Селенгинском монастыре между 1-й и 2-й переписями отражены качественные изменения в XVIII в. в местах выхода и сословном составе вкладчиков. По вкладным книгам выявлено, что к 1747 г. из 183 вкладчиков было 106 ревизских душ (р. д.) сибиряков (из 10 мест Иркутской провинции – 70, из Енисейской – 14 и из четырех уездов Тобольской – 22). Из пяти поморских уездов вышла треть – 60 р. д.

По времени 2/3 (125 р. д.) пришли до 1740 г., в том числе лишь 44 р. д. из поморов. По сословиям из 183 р. д. крестьян было 44, посадских – 37, гулящих – 35, служилых – 25 и новокрещеных бурят – 22 р. д. На другие сословия (промышленных, дворян, торговцев и ссыльных) пришлось лишь 20 р. д. Больше половины всех вкладчиков, до 100 р. д., имели дворы с хозяйством. Малоимущие обрабатывали вклад [14; с. 70–71, 73, 76, 78].

Во время второй ревизии по 10 вкладчикам Киренского и 35 Якутского монастырей была аналогичная картина. Правда, В. Н. Шерстобоев считал, что «все вышли из северных уездов Руси». Это так, но прибыли-то они в эти

монастыри уже сибиряками. Побывав в разных уездах, половина из них обжилась, пятая часть обзавелась семьями. Более половины (24) внесли в монастырь полный 20-рублевый оклад, 11 чел. вклад отработали, а прочие готовились к этому. В прошлом 26 из известных 40 были крестьянами, из посадских вышли 8, из служилых и разночинцев – 6 чел. [26, с. 541–543].

Косвенно о преобладании среди вкладчиков сибиряков в XVIII в. свидетельствует наличие семей. По третьей ревизии семейных уже явно больше: в Иркутском Вознесенском – из 148 семейных было 136 р. д., в Братской Спасской пустоши – из 36 – 30, в Иркутском Знаменском – из 55 – 31 и Киренском из 27 – 12 р. д.¹

Возрастной состав вкладчиков тоже говорит о значительной доле семейных, а значит, сибиряков. Так, по исповедной росписи 1736 г. в Мангазейском Троицком монастыре из 11 душ обоего пола шестерым было от 50 до 80 лет, меньше – троим². По исповедной росписи в самом Усть-Киренском монастыре в 1742 г. на 23 вкладчика приходилось 17 душ жен. пола, в их семьях было 17 детей, в том числе 10 мальчиков. По возрасту среди 37 вкладчиков обоего пола преобладали пожилые: от 50 до 100 лет – 21, от 40 до 20 – 4, от 1 года до 20 – 16 душ обоего пола³.

Поступление во вкладчики из местных уездов с семьями и с детьми, а значит, в трудоспособном возрасте, повышение доли семейных, устойчивый естественный прирост – все это свидетельствует, что в XVIII в. в монастырях уже до половины было полных вкладчиков, которые не от нужды пришли обеспечить свою старость, а число «завкладчиков»-трудников уменьшилось.

Для определения социальной сущности вкладчиков, их роли в монастыре и его хозяйстве принципиальное значение имеют размеры их вкладов. Сами монастырские власти различали «большевкладов», «средневкладов» и «маловкладов».

Семейных, а их было в среднем около половины, в целом можно отнести к «средневкладам» и «маловкладам». Состоятельных вкладчиков было немного, что отражает вообще типичную структуру российского традиционного общества.

Некоторые из них, такие как Анисим Павлов, были довольно зажиточными. Этот илгинский пашенный крестьянин в 1690 г. сдал свое тягло двум вкладчикам Якутского монастыря, продав им за 100 руб. свою заимку, а сам с семьей стал вкладчиком. Из его хозяйства, оцененного в 225 руб., монастырь засчитал вкладом 80 руб., в том числе Анисиму – 30 руб., жене – 20 и каждому из троих сыновей по 10 руб. [5, с. 82. Док. № 8. Копия из 42].

«Большевклады» были и в других монастырях. Так, в Селенгинском монастыре к 1745 г. «большевклады» вносили от 50 до 100 руб. [14, с. 72]. В Якутском монастыре на 1745 г. две трети опрошенных вкладчиков сразу внесли установленный минимум по 20 руб. деньгами либо различными ценностями [26, с. 543].

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1059. Ч. 2. Л. 1156–1203.

² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 796. Оп. 1. Д. 4997. Л. 3.

³ ГАИО. Ф. 482. Оп. 1. Д. 3. Л. 31–32.

Представленные данные подводят к заключению, что сходили на нет и традиционный вкладчик – помор, и сибиряк XVII в., который в старости, переходя под юрисдикцию церковных властей, рассчитывал на социальное призрение. О них писал С. В. Бахрушин: «...Монастырь (Красноярский Введенский. – Г. Б.) служил своего рода богадельней; утратившие боеспособность служилые люди, сделав вклад, могли после выхода в отставку получить себе приют в стенах монастыря» [2, с. 90].

Зачем некоторые состоятельные, и особенно русские, сибиряки второго-третьего поколения, различных сословий уходили в монастыри, вкладывая в их вотчинного типа хозяйства значительные средства? Если для спасения души, то почему члены семьи должны разделять судьбу своего главы, как писал В. А. Александров, обрекать себя вечно на крепостную, даже рабскую зависимость? [1, с. 200–201]

С большей долей уверенности можно утверждать, что все вкладчики из тяглецов руководствовались не только религиозными, но и социальными мотивами. Среднего уровня собственникам из податных произвол местных властей, особенно алчных воевод из приезжих российских дворян-крепостников, не давал никакой гарантии не то что для умножения их благосостояния, но и для его сохранности. Уход под церковную юрисдикцию им предоставил известную защиту и возможности полнее реализовать хозяйственные интересы и социальные потенции личности. Их не отпугивал корпоративно-конфессиональный тип собственности, при которой юридическим лицом считался весь коллектив монастыря «с братею и с монастырскими вкладчики и трудники крестьяны»¹.

Мирской тип монастырей определил экономические взгляды всех вкладчиков – как монастырских, так и имеющих вкладные записи мирян. Они считали себя пайщиками [7, с. 210], а значит, и совладельцами монастырского хозяйства и его доходов. Монастырская организация напоминала светскую. Монахи и вкладчики составляли некую иерархическую структуру, в которой функции, содержание и статус зависели от размера вкладов. Положение зажиточных в монастыре на голову было выше остальных. Так, в Селенгинском Троицком монастыре в 1732 г., по словам настоятеля, «вкладчики посылались на посельничество в монастырские отчины для наряда работников, для надзора за работами и за скотом, для приема от крестьян хлеба, или употреблялись для исполнения разных монастырских поручений в других городах и острогах, или исправляли по монастырю обязанности казначея, житенного, нарядчика, конюха, подконюшников, кузнецов, квасоваров и хлебопекарей. В помощь им для черных работ еще нанимаемы были, смотря по надобности, строшные, которым платили по 12 рублей в год на человека...» [10, с. 841–843]. То есть все основные хозяйственно-организаторские, надзорно-расправные и торговые функции в монастырском хозяйстве реально осуществлялись зажиточными вкладчиками. Черным трудом и на пашне они не были заняты. Как и чернецы, они участвова-

¹ РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Оп. 11. Д. 4549. Л. 1.

ли в разной форме в получении монастырских доходов. Это их делало в различной степени конфессионально-корпоративными и даже частными, по моему определению, «черными феодалами». Например, строить церковь в 1747 г. был «заподряжен вкладчик Иркутского Знаменского монастыря Козьма Минеев» [11, с. 442].

Не случайно вкладчики даже пытались полностью взять управление монастырским хозяйством в свои руки. Так, засилье вкладчиков в Нерчинском Успенского монастыре длилось десятки лет. Основали его, по мнению церковного историка, в 1701 г. сын боярский Никита Варламов с братом [24, с. 130–131], а по другим сведениям – в 1706 г. [28, с. 30; 16, с. 605–608].

Осведомленный М. Чефанов писал: «После смерти устроителя монастырем ведают вкладчики, кто бы они ни были, даже из крестьян-вкладчиков по выбору остальных вкладчиков» [24, с. 132]. Шли постоянные распри между хозяйственным управлением и братией. Иннокентий I, узнав об этом, послал в 1728 г. наводить порядок игумена Нафанаила, который пожаловался на враждебную встречу: «Здесь ныне мне произносят и пишут слово бездельное, что и от людей зазорно». После жалоб, в том числе от вкладчиков, Нафанаила убрали. Не смог проводить официальную линию и следующий игумен Боголеп. «Общим доносом воеводы, нерчинских дворян и вкладчиков Боголепа свалили». После него сменилось еще три игумена, но борьба за власть не утихала [24, с. 132–133].

В Селенгинском монастыре в первой четверти XVIII в., по авторитетному мнению Мелетия, «вкладчики пользовались еще большей свободой и даже правом голоса в монастырских делах. Они разделяли с поселеными монахами управление в монастырских вотчинах и заведывали всей экономией монастыря» [15, с. xxix].

Затяжной конфликт вкладчиков с игуменом по поводу распределения функций с «самовольством, и недобросовестным согласиям» имел место в 1757 г. в Киренском монастыре, и по тому поводу было особое следствие [24, с. 153–154; 26, с. 572].

Такое осложнение социальными конфликтами духовного сотрудничества стало заметным с петровского времени.

Итак, судя по конкретному материалу по Восточной Сибири, традиционное монастырское вкладничество как добровольное сотрудничество населения на религиозно-материальной основе в социальном плане не было одноплановым. Кроме ведущих конфессионально-феодального типа отношений монастыря с завкладчиками, одновременно имела место, особенно с петровского времени, деятельность конфессионально-корпоративных «черных феодалов». Ими в разной степени зрелости выступали зажиточные тяглые вкладчики, которые с разной степенью успеха и как частные лица участвовали в присвоении прибавочного продукта, произведенного трудовым монастырским населением.

Список литературы

1. *Александров В. А.* Русское население Сибири в XVII–XVIII вв. (Енисейский край). М. : Наука, 1964. 301 с.

2. *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Науч. тр. М., 1959. Т. 4. 257 с.
3. *Беликов Д. Н.* Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898. 212 с.
4. *Быконя Г. Ф.* Из истории монастырей Приенисейского края в XVII – первой половине XVIII в. // Православное слово Сибири. 2009. Июнь. № 6(89).
5. *Быконя Г. Ф.* Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. (материалы к спецкурсу и спецсеминару). Красноярск : Краснояр. ГПИ, 1979. 100 с.
6. *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект) // Быконя Г. Ф. Избр. тр. Красноярск, 2015. Т. 3. 416 с.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006 : Рипол классик. Т. 1. 754 с.
8. *Дулов А. В., Санников А. П.* Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начало XX в. Иркутск, 2006. 616 с.
9. *Духовный регламент.* М., 1802. 239 с.
10. Иркутские епархиальные ведомости. 1863. 2 дек. № 51.
11. Иркутские епархиальные ведомости за 1870 г. Прибавления к № 35.
12. *Покылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск : Сиб. отд. АН СССР, 1965. 298 с.
13. *Машанова Л. В.* Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода: Бахрушинские чтения 1969. Новосибирск, 1973. С. 105–155.
14. *Машанова Л. В.* Хозяйственное освоение Забайкалья в конце XVII – начале XVIII в. : автореф. дис. канд. наук. М., 1974. 31 с.
15. *Мелетий (Якимов М. К.).* Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края. (1653–1726). Казань : Унив. тип., 1875. 199 с.
16. Монастыри в Восточной Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://mion.isu.ru/pub/church/index.htm>.
17. *Наумова О. Е.* Хозяйственная деятельность монастырей русской православной церкви в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Изв. Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2016. С. 35–41.
18. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1878. Т. 2, Ч. 2. 1722. 448 с.
19. *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI–XIX вв. Казань, 1913. Т. 2. 861 с.
20. *Поротова О. В.* Енисейские монастыри // Духовно-исторические чтения. Материалы научно-практической конференции. Красноярск, 2004. Вып. 9. С. 355–361.
21. *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (в XVII – начало XX в.). Якутск : Якуткнигоиздат, 1961. 495 с.
22. *Соловьев С. М.* Сочинения. М. : Мысль, 1993. Т. 9. 572 с.
23. *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области (1650–1800 гг.). Якутск : Тип. обл. упр., 1916. 308 с.
24. *Чефранов Милий.* Протоиерей Блаженный Софроний, 3-й епископ Иркутский. М. : Унив. тип., 1907. 344 с.
25. *Шахеров В. П.* Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск : Отгиск, 2000. 85 с.
26. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII в. Иркутск : Кн. изд-во, 1957. 674 с.
27. *Шмулевич М. М.* Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1982. 63 с.

28. *Шорохов Л. П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. (развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск : КГУ, 1983. 164 с.

29. *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М. : Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.

On the Social Nature of Depositors of Monasteries in Eastern Siberia in the XVII Century – the 1760s

G. F. Bykonya

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, Krasnoyarsk

Abstract. Traditionally, all depositors together with the peasants are considered to be confessional serfs, although they had a contractual relationship with monasteries. Since the XVIII century “contractors” – laborers from the Russian Northern Arctic coastline replaced two thirds Siberians in local counties, which complicated and reestablished forms of cooperation leading to spiritual-social grounds conflicts. Wealthy “large deposits and medium deposits”, coming out of the jurisdiction of the secular authorities, tried to take over the management of the monastery economy, pursuing quite earthly goals. The legal basis for this was given by the traditional interpretation of the contribution as a share in confessional corporate property, which allowed depositors, “beltzy” and monks to maintain their own and confessional corporate property as well as their private interests. Enterprising strong owners– state “burden holders” hoped to realize more freely and fully their material and social opportunities until the change of status. The real horizontal, and few vertical social mobility – one of the ways of realization of the feudal aspirations owning elite group of the burdern holders. These, in the confessional appearance, “grimy (black)” by K. Marx, feudal lords were one of the many centuries long manifestations of not property decomposition but it was the process of class decomposition of workers- city and village owners in a traditional Russian society. The secularization of monastic lands in 1764 put an end to these contradictory social aspirations. The introduction of a free enterprise in 1775 marked another legal vector of social and economic activity of the former black feudal lords of “Asian Russia”.

Keywords: monasteries, depositors, “depositors”, “large deposits”, confessional serfs, horizontal and vertical social mobility, confessional and corporate property, confessional hierarchy type, “black feudal lords”.

For citation: Bykonya G.F. On the Social Nature of Depositors of Monasteries in Eastern Siberia in the XVII Century – the 1760s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, vol. 26, pp. 6-16. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.6> (in Russian)

References

1. Aleksandrov V.A. *Russkoe naselenie Sibiri v XVII-XVIII vv.* (Enisejskij kraj) [Russian population of Siberia in the XVII-XVIII centuries (Yenisei region)]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 301 p. (in Russian)
2. Bahrushin S.V. Essays on the History of the Krasnoyarsk district in the XVII century. *Nauchnye trudy* [Scientific Works]. Moscow, 1959, vol. 4, 257 p. (in Russian)
3. Belikov D.N. *Starinnye monastyri Tomskogo kraja* [Ancient monasteries of Tomsk region]. Tomsk, 1898. 212 p. (in Russian)
4. Bykonja G.F. From the History of the Monasteries of the Yenisei region in the XVII – the first half XVIII century. *Pravoslavnoe slovo Sibiri* [Orthodox Word of Siberia], 2009, June, no. 6 (89). (in Russian)

5. Bykonja G.F. *Pozemel'nye otnoshenija russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri v XVII-XVIII vv.* [The Relations of the Russian Population of Eastern Siberia in the XVII–XVIII centuries. Krasnoyarsk, 1979, 100 p. (in Russian)]
6. Bykonja G.F. The Cossacks and Other Official Population of Eastern Siberia in the XVIII – early XIX century. (Demographics-Class Aspect). *Bykonja G. F. Izbrannye trudy* [Selected works]. Krasnoyarsk, 2015, vol. 3, 416 p. (in Russian)
7. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. Moscow, 2006, vol. 1. 754 p. (in Russian)
8. Dulov A.V., Sannikov A.P. *Pravoslavnaia cerkov' v Vostochnoj Sibiri v XVII – nach. XX vekov* [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries]. Irkutsk, 2006, 616 p. (in Russian)
9. *Duhovnyj reglament* [Spiritual regulations]. Moscow, 1802, 239 p. (in Russian)
10. *Irkutskie eparhial'nye vedomosti* [Irkutsk diocesan statements]. 1863, no. 51, 2 December (in Russian)
11. *Irkutskie eparhial'nye vedomosti za 1870 g. Pribavlenija k N 35* [Irkutsk diocesan Gazette for 1870, adding to the number 35]. (in Russian)
12. Kopylov A.N. *Russkie na Enisee v XVII v. Zemledelie, promyshlennost' i torgovyje svjazi Enisejskogo uezda* [The Russians on the Yenisei in the XVII century. Agriculture, industry and trade relations Yenisei County]. Novosibirsk, Sibir. Otdel (Branch). AN SSSR, 1965, 298 p. (in Russian)
13. Mashanova L.V. Economy of the Trinity Selenga monastery in the first half of the XVIII century. *Voprosy istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Questions of history of the pre-Soviet period Siberia]. Bakhurshin Readings. 1969. Novosibirsk, Science Publ., 1973, pp. 105-155. (in Russian)
14. Mashanova L.V. *Hozjajstvennoe osvoenie Zabajkal'ja v konce XVII – nachale XVIII v.* [Economic development of Transbaikalia in the late XVII – early XVIII century]. Moscow, 1974. 31 p. (in Russian)
15. Meletij (Jakimov M. K.). *Drevnie cerkovnye gramoty Vostochno-Sibirskogo kraja. (1653-1726)* [The ancient Church letters of the East-Siberian region (1653-1726)]. Kazan, 1875. 199 p. (in Russian)
16. *Monastyri v Vostochnoj Sibiri* [Monasteries in Eastern Siberia]. Available at: <http://mion.isu.ru/pub/church/index.htm>. (in Russian)
17. Naumova O.E. The Economic Activity of Monasteries of the Russian Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – first half of the XIX century]. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* [Proceedings of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk, 2016. P. 35-41 (in Russian)
18. *Opisanie dokumentov i del, hranjashhihsja v arhive Svjatejshego Pravitel'stvujushhego Sinoda* [The Description of Documents and Files Stored in the Archives of the Holy Synod of Government]. Saint-Peterburg, 1878, vol. 2, part 2. 448 p. (in Russian)
19. Pokrovskij I.M. *Russkie eparhii v XVI-XIX vv.* [Russian dioceses in XVI-XIX centuries]. Kazan, 1913, vol. 2, 861 p. (in Russian)
20. Porotova O.V. Yenisei monasteries]. *Duhovno-istoricheskie chtenija. Materialy nauchno-praktičeskoj konferencii* [Spiritual and Historical Readings. Materials of the Scientific and Practical Conference]. Krasnoyarsk, 2004, vol. 9. P. 355-361 (in Russian)
21. Safronov F.G. *Russkie krest'jane v Jakutii (v XVII – nachalo XIX v.)* [Russian peasants in Yakutia (in the XVII – early XIX c.)]. Yakutsk, 1961. 495 p. (in Russian)
22. Solov'ev S.M. *Sochinenija* [Works]. Moscow, 1993, vol. 9, 572 p. (in Russian)
23. Strel'ov E.D. *Akty arhivov Jakutskoj oblasti (1650-1800 gg.)* [Acts of Archives of the Yakut Region (1650-1800)]. Yakutsk, 1916. 308 p. (in Russian)
24. Chefranov Milij. *Protoierej Blazhennyj Sofronij, 3-j episkop Irkutskij* [Archpriest Saint Sophronius, the Third Bishop of Irkutsk]. Moscow, 1907. 344 p. (in Russian)

25. Shaheerov V.P. *Social'no-jekonomicheskoe razvitie verhnego Prilen'ja v XVII – pervoj polovine XIX v.* [The Socio-Economic Development of the upper Lena River Territory in the XVII – the first half XIX c.]. Irkutsk, 2000. 85 p. (in Russian)

26. Sherstoboev V.N. *Ilimskaja pashnja. T. 2. Iimskij kraj vo II-IV chetvertjah XVIII v.* [The Ilim arable land. Vol. II. Ilimsk region in the II-IV quarters of the eighteenth century]. Irkutsk, Book Publ., 1957, 674 p. (in Russian)

27. Shmulevich M.M. *Troicko-Selenginskij monastyr'* [Trinity-Selenginsky monastery]. Ulan-Ude, 1982, 63 p. (in Russian)

28. Shorohov L.P. *Korporativno-votchinnoe zemlevladienie i monastyrskie krest'jane v Sibiri v XVII-XVIII vekah (razvitie feodal'nyh otnoshenij i ih osobennosti)* [The Corporate-Patrimonial Land Ownership and Monastic Peasants in Siberia in the XVII-XVIII centuries (The Development of Feudal Relations and Their Features)]. Krasnoyarsk, KSU Publ., 1983. 164 p. (in Russian)

29. Shunkov V.I. *Ocherki po istorii zemledelija Sibiri (XVII v.)* [The Essays on the History of Agriculture in Siberia (the XVII century)]. Moscow, 1956. 432 p. (in Russian)

Быконя Геннадий Федорович

*доктор исторических наук, профессор
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
тел.: (391)217-17-17
e-mail: kspu@kspu.ru*

Bykonya Gennady Fedorovich

*Doctor of Sciences (History), Professor
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev
89, Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049,
Russian Federation
tel.: (391)217-17-17
e-mail: kspu@kspu.ru*